

КРИСТОФ МЕККЕЛЬ ШАПКА НЕВИДИМКА

Кристоф Меккель

Кристоф Меккель

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Кристоф Меккель

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Стихи 1957–2015 гг.

Издательство «Летний сад», Москва

УДК 821.112.2
ББК 84(4Нем)
М46

Кристоф Меккель

М46 Шапка-невидимка: стихи 1957–2015 гг. / перевод с немецкого
Вальдемара Вебера. – М. : Летний сад, 2020. – 96 с. : ил.

ISBN 978-5-98856-433-1

УДК 821.112.2
ББК 84(4Нем)

Переплёт работы Максима Горшкова

В оформлении книги использована графика Кристофа Меккеля

ISBN 978-5-98856-433-1

© Вальдемар Вебер, 2020
© Издательство «Летний сад», 2020

Кристоф Меккель

Меккель, Кристоф (1935–2020) – поэт, прозаик, график. Родился в Берлине в семье известного поэта и прозаика Эберхарда Меккеля (1907–1969). Учился в классической гимназии во Фрайбурге, затем изучал графику и живопись в Мюнхене и Париже.

Начал печататься в 1956 году.

В разные годы жил в Западном Берлине, Этлингене и во Франции (Прованс). Много путешествовал по Европе, Мексике, Африке, преподавал немецкую литературу в университетах Техаса и Огайо.

Лауреат многочисленных литературных премий в Германии, Австрии и Швейцарии, был членом Немецкого Пенклуба, членом Академии немецкого языка и литературы.

Вальдемар Вебер

Вебер Вальдемар Вениаминович – поэт, прозаик, переводчик, издатель, родился в 1944 г. в Кемеровской области. Пишет на русском и немецком. Окончил Московский институт иностранных языков. С 1969 г. занимался переводом и изданием немецкой литературы, преимущественно поэзии. В 1990-1992 гг. руководил творческим семинаром в Литинституте им. Горького в Москве. В 1992-2004 гг. преподавал и участвовал в научных проектах в университетах Граца, Инсбрука, Вены, Мангейма и Пассау.

Основал в Аугсбурге (Германия) два издательства «Waldemar Weber Verlag» (2002) и «Verlag an der Wertach» (2006). С 2014 г. в издательстве «Waldemar Weber Verlag» выходит журнал русской поэзии «Плавучий мост». Лауреат литературных премий в Германии, Австрии, России, Люксембурге и Лихтенштейне.

От переводчика

В 2015 году в издательстве «Hanser» в Мюнхене вышла книга стихотворений Кристофа Меккеля Christoph Meckel «Tarnkarre», *Gesammelte Gedichte*. Она включила в себя почти все стихи поэта, написанные с 1957 по 2015 гг. Данная подборка из этой книги включает в себя стихотворения всех периодов творчества поэта, иллюстрирующих верность его творческим принципам на протяжении всей жизни, в том числе и в период после объединения Германии.

Меккель, Кристоф – поэт, прозаик, график. Родился в 1935 г. в Берлине в семье известного прозаика, поэта и театрального критика Эберхарда Меккеля (1907–1969). Учился в классической гимназии во Фрайбурге, затем изучал графику и живопись в Мюнхене и Париже. В разные годы жил в Западном Берлине, Этлингене и во Франции (Прованс). Много путешествовал по Европе, Мексике, Африке, преподавал немецкую литературу в университетах Техаса и Огайо.

В 1956 г. издал первый сборник, «Шапка-невидимка», содержащий стихи и графические работы поэта. В дальнейшем наряду со стихами выступал как прозаик (рассказы, повести, роман). Независимо от влияний, испытанных Меккелем-поэтом, будь то немецкая классика, Франсуа Вийон, экспрессионизм или сюрреализм, поэт всегда оставался верен фантастически-аллегорическому способу отображения действительности. Он стремится изобразить мир как всемирную клоунату, в которой гротескно соседствуют «картины рая и Вавилона». Даже там, где манера Меккеля более уравновешена, как, например, в лирических миниатюрах, гротеск полностью не исчезает, внося диссонанс в идиллию любовных отношений. Элегии Меккеля передают фрагментарность, разорванность чувств современного человека. «Величие античного чувства» зависит в них от случайности событий настоящего, от суетности современной жизни, в которой «мало на кого можно положиться».

Кристоф Меккель исключительно разнообразен по тематике. Значительное место в его творчестве занимают также произведения социально-критического содержания. В некоторых из них он берет на себя роль критика современного западного общества. Позиция поэта при этом остается подчеркнуто независимой.

В то время, как в западногерманской поэзии послевоенного времени большинство молодых авторов отдали дань ангажированной литературе, пронизанной мировоззрением так называемого «прогресса», Меккель остался чужд идее преобразования общества революционным путем, у него не найдешь прямолинейных паролей Энциенсбергера, Фолькера фон Тёрне, Петера Вайса или Гюнтера Бруно Фукса. Общественная критика в стихотворениях Меккеля общечеловечна и направлена на осознание феномена жизни как таковой. «Будущее – не ново» сказано в одном из его стихотворений.

Его сложное отношение к новейшей немецкой истории и западному обществу нашло отражение в его прозе и портретах его литературных коллег.

Стихотворение же для него – предмет всеобъемлющий, комплексный, оно не может быть односторонне политическим или социально-критическим, оно выражает все субстанции человека и человеческого существования. Поэтому в стихах Кристофа Меккеля, названных балладами, одами, песнями, сонетами (они представляют модернизацию этих форм поэзии), радость замешана на меланхолии, патетика – на иронии, образы реальности – на парадоксальном воображении и мифе.

В подборке представлены различные жанры поэзии. При отборе их переводчик старался передать не только мировоззренческий образ поэта, но и формальную сторону его поэтических произведений, предпочитая переводить тексты, по своей форме необычные для русской поэзии. В таком подходе к переводу переводчик видит, кроме всего прочего, просветительские задачи современного перевода.

Вальдемар Вебер

ЧАСТЬ I

ШАПКА-НЕВИДИМКА

REDE VOM GEDICHT

СЛОВО О СТИХАХ

Стихи не парник для разведения красоты.
В них речь о соли, горящей на ранах.
В них речь о смерти, о сожженных наречиях.
О патриотах, лица которых похожи на кованые
подмётки.

Стихи – не столярный цех, где лакируют правду.

В них речь о крови, из ран текущей,
о нищете... нищете мечты.
О разорениях, о подонках, об утопиях утлых.
Стихи не место, где лечат боль.
В них речь о гневе, о заблуждениях,
в них речь о голодных
(здесь не поют
песен о стадиях насыщения).
В них речь об обжорстве, о людоедстве,
о невзгодах, сомненьях, в них летопись бед и страданий.
Стихи – не место, где потрафляют смерти,
где угрождают плоти, где потакают надежде.
Стихи – край смертельно раненной правды.

Крылья! Крылья! Падает ангел,
залитые кровью перья разлетаются в вихре эпохи!

Стихи – не место, где ангелов ждет пощада.

TARNKAPPE

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Я затерялся в ночах,
таская с собой повсюду свою холодную смерть,
всех с толку сбивая своим петляющим следом.
Моя огромная тень возмущается,
что не может меня отыскать,
моя бесшумная тень мне на ухо шепчет, что хочет
поцеловать меня, от взоров людских укрыть,
искушает шапкою-невидимкой.

Зачем мне она – я сокрыт завесою лун омраченных,
приключений ищу, полный замыслов и забот,
мне с собственным именем нужно учиться жить,
растрачивать юность свою, скитаясь из дома в дом,
красть цветы, чтоб украсить пустое жилище,
мой ангел-хранитель порою заходит ко мне на ужин.

DÄMMERUNG

СУМЕРКИ

Там быки пережевывают безмолвие,
клады золота там
прячет июль в лесу,
телеги с клевером спускаются с гор,
в мертвых колодцах
находят приют петухи.

В сумрак, пошатываясь, уходят
переполненные амбары.
Коровы бредут в тумане к невидимым взору рынкам.
С наступлением тьмы из часовни
деревянный выходит ангел,
и ложится в траву,
и до заутрени спит.

ERZIEHUNG DES PRINZEN

ВОСПИТАНИЕ ПРИНЦА

Когда красные листья клена залетали в окно,
слуги ему сообщали, что пришла золотая осень,
об улетающих птицах
никто ему не говорил.

Распознавать сирены в тумане Зунда
помогали ему не матросы, а слуги,
предназначение виселиц и секир
объясняли ему палачи в присутствии безмолвных рабов.

Каждая новая весть тщательно отбиралась.
Добрая подтверждала правоту его книг,
плохая отца огорчала,
вьюга за окнами выла еще тоскливей,
смысла дождя
никто ему не объяснял.

На просьбу поведать о городах, о праздниках и о людях
молчаньем ему отвечали словоохотливые шуты,
и он звал к себе в гости ангела,
и учил летать перед своим окном.

GOLDFISCH

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

С той поры, как я полюбил воду и цвет луны,
золотая рыбка в моих волосах поселилась,
я сам удивлен, и насколько могу судить,
подобного не случилось еще ни с кем из людей.

С тех пор я плавал во многих реках,
но вода не пришлась ей по вкусу,
я хотел ее подарить лунному человеку,
но она отказалась плавать в море звездного света
между птицами и облаками.
Я привел ее к Красному морю,
но она твердит мне, что хочет состариться
в сумерках моих волос.

Мне и дальше, видать, суждено
брать ее всюду с собою,
пока не осыплется чешуя
и она, почернев, не канет
в серую лужу.

DAS ERBE DES SANCHO PANSA

НАСЛЕДСТВО САНЧО ПАНСЫ

Когда, наконец, он состарился, ему, Санчо Пансе,
крестьянину и герою,
как и было обещано,
королевство досталось в наследство
за тридевятью земель.

Там властвовал он над тенями, снегом и дымом,
над фурами ветра и тоннами летней росы,
там светом владел он
и золотом в недрах луны.

Но эти богатства ему помогли мало,
когда наяву он на муле своем тащился
и жил, как в изгнание, среди бедной испанской пустыни.
Ни о походах, ни о королевствах неизвестно было его
жене.

Одни только камни видел он под ногами.
Когда же опять в опьянение вступал он в свою страну,
он видел сады, проливы, фасады своих резиденций,
под солнцем полуночным видел вновь Дон Кихота,
спешащего в гости к нему: вот они вместе скачут
по паркам, заросшим бурьяном,
среди сусального золота сумрачных ильмовых рощ.

Но, проснувшись, он находил одни лишь пустые
кувшины,
кричал, чтоб подали вина, и с удивлением слышал,
как ржет Росинант в конюшне, отданный навсегда
под присмотр малолетнего сына.

HYMNUS AN SPHINXE

ГИМН СФИНКСАМ

На дне ваших зрачков
я вижу мрачные зданья,
вот бы в них поселиться,
взяв с собой свою мебель и слуг,
и в тамошних залах,
где, по вашему мненью,
меня ожидает лишь страх и холод,
я стал бы
такие давать балы,
что они б в изумленья повергли
и заразили весельем
всех, кто свой взор погружает
в ваши бездонные очи.

ALS ICH ERWACHTE

КОГДА Я ПРОСНУЛСЯ

Когда я проснулся, вокруг
и следа городов не осталось,
ни один из камней, ни одна из травинок
сказать не хотели, куда
странницы-дюны с собой увели скалу;
реки умчались, в сыпучем песке
приступали к великой охоте
последние из акул.

На светлеющем небе мерцала утренняя звезда.
Но мир – мой мир – переселился куда-то.
Там, где когда-то леса зеленели,
я лежал, позабытый всеми, с последней кукушкой в руке.

TRINKGELD

ЧАЕВЫЕ

Подсчитай перед смертью получше свои чаевые!
Ощупай каждый тобою полученный грош!
Что ты сделал такого, чтоб тебе давать чаевые?
Что взамен
они требуют от тебя?

Кому польза от твоего молчания,
а от голоса – кому вред?
Для чего нужно было дарить тебе шоры?
Что такого успел ты увидеть, что согласен на слепоту?
Что такого во сне натворил, чтобы ради тебя
забивать гуся и угощать тебя ромом?

Подсчитай получше свои чаевые, запомни
всех тех, дружелюбных,
обещавших запомнить тебя.
В чем резон твоему соседу сохранять тебе жизнь?
Какая надобность сторожу охранять твой покой?

Подсчитай перед смертью получше свои чаевые!
Ощупай каждый тобою полученный грош!
Что ты сделал такого, чтоб тебе давать чаевые?
Что взамен
они требуют от тебя?

HYMNE

ГИМН

Я живу в стране,
что не без кокетства
демонстрирует зеркалу неба
свой латано-перелатанный гардероб.
Я живу в стране ореола слёз,
чьи незабываемые границы – стены плача.

Я живу в стране, полюбившей смерть,
в стране, чья земля
меблирована бесчисленными гробами,
костями обставлена, в новом обличи
вербующих новых клиентов у кабатчика смерти.
Солнце очень к лицу небу этой страны,
где фабрики смерти пауз не признают.

Я живу среди запахов затхлых вздохов,
несомненности смерти и сомнительности бытия,
против воли своей я обязан жить в страхе
с роковой осторожностью цирковой обезьяны,
в любое мгновенье рискующей
сорваться вниз со спины слона.

Я живу в стране, полюбившей смерть.
Сосуд для слез – ее герб и ее сувенир.
Пиявка – ее талисман, огородное пугало – знамя.
Тысячный внук моей надежды погиб.
В щепки разбит последний щит моего доверья.

(1959)

MEINE ARBEIT

МОЙ ТРУД

Цель моего труда:
в снег обращать крыс и блох,
росу перековывать в прочные зданья,
айсберги растоплять.

Днем, поверьте, приходится мне не сладко,
моря осушаю, чтобы извлечь из них соль,
ночь дарит мне мало сна, но и ночи, и дни
мне пищу дают для раздумья – не для нытья.

У меня за спиной вместо ангела ворон,
вознаграждающий труд мой
взмахами крыльев холодных,
надежду мою ослепляющий карканьем диким.

Я собрат своей тени, я зритель, следящий с забора
за ночным представленьем великого хамелеона.
Слуги не спят перед моим порогом,
и к окну моему не подплывают киты.

Я говорю языком старателей в топких болотах,
превращающим в снег сажу, а сажу в снег,
языком утраченной тишины, измышляющим боль,
рефрен моих прошлых и будущих дней.

Не при свете дня, не во мраке – в сумерках я вершу
свой необычный труд.
Со мной на земле четыре стены и звёзды,
уик-энда бледные звёзды в сгустившейся мгле.

LIEBESGEDICHT

ТЕБЕ ОДНОЙ...

Тебе одной сияет благосклонно
из мрака мирабель и розмарин,
мерцают солью лепестки паслена
и плавником блестит из волн дельфин.

Мне слышно, как ворочаются зерна
в плодах, когда стихают берега.
Всех звезд лишила ночь меня, покорно
тебе их отдаю – на жемчуга.

ENGEL

АНГЕЛ

Вдогон великим рекам сердце рвется.
Устав грести, валюсь в траву без сил.
Мне слышатся шаги и шелест крыл.
То ангел мой вослед за мной крадется.

Но он отстал, его сомненья гложут.
Готов свой мир в нездешней стороне
отдать он, чтоб проникнуть в душу мне.
Хранитель мой меня настичь не может.

Клокочут волны и в бурленье пенном
моря и устья застилают мглой.
В деревьях ветер ледяной и злой.

Что нужды мне в том спутнике бессменном?
И если вновь он воззовет ко мне,
я в стих уйду и спрячусь в глубине.

ES IST DER WIND AUF DEN BRÜCKEN...

ИЗ КНИГИ «НОЧНАЯ ПЕСНЬ ЯСНАНДОСА»

* * *

Это холод и дым, и сквозняк на мосту,
вод глубины и сумрак вечерний,
разрывающий небо и вновь уползающий в ночь,
в ледяющий ноябрь, под пахнущий копотью ливень,
это вечер зимой, одиночество, страх,
лихорадочный взор и ломота в костях,
это бар и коньяк, опьяненье, надрыв
и молчанье толпы вавилонской,
это грязь и опилки в пивной на полу,
это урна, а в ней сгустки крови,
это кровь на опилках и кровь на полу,
звон монет, и кастеты, и голод,
это город на сальной от нефти реке,
дым и птичий полет над мостами,
это ветер в ночи и гроза среди зимы,
разорвавшая небо на части.
Горем больше иль меньше,
жизнью меньше иль больше –
это холод в предверии ада,
смертью больше иль меньше –
это годы и дни, что наступят потом,
это память, вобравшая мертвых,
и восторги в конце, и прощанье, и сон,
и забвенье, и гнев неожиданный,
обращенный на все на свете...
Вот и вся его жизнь.

Следующие четыре сонета Кристофа Меккеля являются частью полемического диалога в стихах с немецким поэтом Фолькером фон Тёрном под названием „Die Dummheit liefert uns ans Messer“ – «Нас глупость к гибели ведет».

RECHTS UND LINKS

СО ВСЕХ СТОРОН

Да, нам терять надежды не пристало,
но оглянись вокруг: мир упоен
пальбой проклятий, логикой кинжала,
шипением вражды со всех сторон.

И мы б могли воскликнуть: совершенней
мир в состоянье стать в конце концов!
Средь нечистот стоим в оцепененье...
Левиафану удался улов.

В свершеньях наших, истиной судимых,
живет потребность противостоянья
поток сточных вод, производимых

моей страной, все смыто: кровь и слово...
Прополкой сорняков свои старанья
зовем мы: вырвешь их – уж лезут снова.

DEN LEVIATHAN ZU SCHLACHTEN –
DAS WÄRE GUT

ЛЕГКО СКАЗАТЬ

Легко сказать – убить Левиафана!
Твердя об этом нам сто раз на дню,
что ж медлишь ты? Спускай курок нагана,
на жертву водрузи свою ступню.

Спор о стихиях нам казался праздным.
Мы занимались тем из года в год,
что в зеркале стиха людишкам разным
показывали жирный их живот.

У наших ног не воды Вавилона,
плоды иллюзий тронула гнильца.
Нет, мы не отступились от лица,

верны оставшись гневу до конца.
Но от посулов вечных и трезвона,
поверь, ни пользы миру, ни урона.

WENN WIR NICHT SAGTEN

КОГДА Б МЫ СЕРДЦЕМ ВЕКУ ИЗМЕНИЛИ

Когда б мы сердцем веку изменили
и всё бранили, заклиная страх,
давно б нас всех потопа волны смыли,
никто б не удержался на ногах.

И я за то, чтоб строить дом надежный
тому, кому сей мир не трын-трава.
Возможности, однако, так ничтожны,
ум возмущен, но немощны слова.

Секира-стих, не ведая запретов,
грозит царю, шуту и палачу.
Увы, смести сей сброд не по плечу

стране философов, стране поэтов...
Так нас прозвали: лучшей нет причины,
чтоб с Михеля-шута сорвать личины.

WIR DREHN MIT WORTEN

СЛОВА ТЕМНЫ...

Слова темны, но мы увлечены,
как в наважденье, крутим их без цели,
и кое-кто уже кладет в штаны
от бешеной езды на карусели.

Таких неволить нет резона нам.
Их отпустив, мы не кипим от злости,
пускай шарманку крутят по дворам
иль сядут в башню из слоновой кости.

Сие – наш дом, шатуч, скрипуч, не нов.
Ему уже давно не до балов,
ни музыка, ни танцы – не в новинку.

Давайте ж карусель раскрутим так,
чтоб слышал скрип оси любой дурак
и закричал бы: «Стоп! Скорей в починку!»

KLEINER ESSIGSCHWAMM

ХРИСТОСИК

Ты хочешь дышать? Ах вот как, ты хочешь дышать,
понятно.

Хочется жить? Ну кому ж помирать охота.
Живи, кто ж тебе мешает, но не спеши, не спеши,
ты прежде свое получишь, ведь мы же, пойми,
не бандиты...

И они его поднимали и привинчивали к стене –
погоди, не спеши, христосик..
Клади спать его на отбросы, колотили затылком о стену –
не подумай, что мы, христосик, что-то против тебя
имеем..
Губку с уксусом подносили к его пересохшим губам.

Он со стула свисал и видел
свои кости на телеэкране,
глядел, как внутри у него копались,
как что-то там вырезали и зашивали снова.
И солнце вдруг стало ему безразличным.

И он произнес: умереть... Они отвечали: этим ты занят
уже давно.

Умереть – это нам понятно, кому же охота жить..
Но все по порядку, христосик,
ты прежде свое получишь, ведь мы же, пойми,
не бандиты...

И они демонстрировали ему, кем они были,
погоди, не спеши, христосик,

IM VERGLEICH

МЫ ВСЕ ПОДВЛАСТНЫ СРАВНЕНЬЮ

Бродяга с сумой, в которой покоится пфенниг,
выглядит лучше в сравненье
с бродягой без пфеннига и сумы.
Негр, целующий нож в темноте,
выглядит лучше в сравненье
с тем, кто презрел свое имя и думает лишь о сне.
Смешным нам кажется Франц-мерзляк
по сравненью с тем, кто находит
в собственном трупе убежище от мороза.
Нас веселит все живое, все помнящее о солнце.

Ни с чем невозможно сравнить
дерево, камень, дождь,
они выше любого сравнения.
Но все мы подвластны сравненью.
Любого из нас можно сравнить друг с другом,
голод одних – с блевотой других,
твой прибор для бритья – с глоткой любого другого,
в любую минуту, в любом положении, на банкете,
в сортире
нас можно сравнить друг с другом,
обнажив нашу сущность вплоть до сердечной мышцы,
бессонницу одного – с любовницей другого,
хладнокровие одного – с уменьем другого страдать.

Джентльмены, сравнения губят нас,
это ясно как день, с каждым часом яснее,
но яснее всего, когда они беспричинны,

например, стипендия одного и словарный запас другого,
сравнения нам говорят о том, как мы далеки друг
от друга.

У одного ноги всегда холоднее, чем у другого,
и более хрупкие кости,
другого всегда спасают

из потока, который
с каждым разом бездонней, чем прежний.

Встань и головой посильнее ударься о стену
для сравнения с самою острою болью,
с самою твердою костью!

Иди, обнажись догола,
чтобы сравнить себя с самою грязной кожей,
с самым дырявым пледом!

В то время, как мы отдыхаем от слов:
твердый, тверже, твердый, как камень, –
превосходная степень выходит сухой из воды,
душа нас своими или чужими руками,
но мы превосходим все ее ожидания,
живя в этом мире, всего лишь живя в этом мире,
и отворачиваемся к стене,
чтоб сравнить настоящее с прошлым, с грядущим,
ни с кем не нуждаясь в сравненье,
мертвы по сравнению с воздухом и золой.

UFERSTRASSE

НАБЕРЕЖНАЯ

Каждое утро, с тех пор как берег
стал местом нашего проживания,
мы выходим из дома и ожидаем прибытия корабля,
имя которому Время.

Причалив, он выгружает на берег новые годы и дни.
А пока мы его ожидаем, мы мучаемся вопросом,
достанет ли всех этих лет на всех нас и как меж собою
поделим мы эти годы, сколько подарим возлюбленным
нашим,
сколько припрячем в сейфе, сколько востребуют дети,
и когда тот корабль возвратится к нам с новым грузом,
и когда он покинет нас, чтобы уже не вернуться.

VERFRÜHT

СЛИШКОМ РАНО...

В этот день ничего
необычного не случилось.
Над виноградниками струился
свет Михайлова дня. Его отражали, мерцая,
ступеньки каменных лестниц, скользкие от улиток.
Замечаешь пыль на книгах, бокалах, вазах
и, как никогда, понимаешь:
тому, кто ее стирает, времени не удержать.
Неотвратимость смерти меня не пугает, однако испуг,
как знать, еще может явиться на ужин как раз
в тот момент,
когда откупорят бутылки со старым вином...
Так что я слишком рано заговорил о том,
что в этот день ничего необычного
не случилось.

ANDERE ERDE

ИНАЯ ЗЕМЛЯ

Лишь когда на учете будет каждое дерево
и листва постепенно станет жертвой контор и ведомств,
лишь тогда мы поймем, что значит для нас земля:
купаться в глубокой речке,
рвать вишни июньским утром
станет привилегией единиц.
С тоскою тогда мы вспомним о нашем сегодняшнем мире,
изнуренном, усталом, к лику которого примешались
черты ангелов и чудовищ,
чье небо было отдушиной
для дыма, и птицы стаями
летали над автобаном...
Мы стояли в саду и нашими разговорами
пытались удерживать время,
умирание деревьев
и мифы о неистребимой крапиве.

Shut up! Перед вами иная земля, иной дом.
(Ястребиное перо в шкафу, засушенный лист и стакан воды).

IN DIESEM KÄFIG

В ЭТОЙ КЛЕТКЕ

И я сознаю: в этой клетке, сплетенной из вздохов
и прожитых лет,
места уже не осталось ни для нас, ни для хищного зверя.
Проснувшись однажды утром, ты увидишь, как я
вместе со львом шагаю к тебе через горы,
и ты распахнешь окно и весело крикнешь:
«Только так мы способны жить!»

EIN MENSCH

ЧЕЛОВЕК

Я знаю его, и, стало быть, мне известно:
он существует лишь потому,
что его еще не распознали,
еще не предали,
не убили.

Я слышу голос его,
что означает: ему
пока что дышать разрешили,
на голове у него подсчитана каждая волосинка,
язык его опечатан.

Вижу спящим его и при этом знаю:
жизнь его ценится ниже, чем его подпись;
его собственный адрес
всегда
будет значить больше, чем он.

При свете дневном наблюдаю за ним,
и мне становится ясно:
его беззаботный смех
обнажить способен оскал,
его хладнокровие обманчиво,
при выборе слов он зовет на помощь молчанье.

Я вижу, как он смеется, и посему предвижу:
ему отомстит канцелярская писанина,
он умрет не от пуль, не от газа, не от взрывчатки,

а от нехватки или избытка бумаги,
в лучшем случае –
от застрявшего в горле смеха.

Обнимаю его, точно зная при этом:
Ему не предъявлено никаких обвинений,
кроме факта, что он все еще жив и порой
прибегает к услугам своей головы.

Я знаю его, и, стало быть, мне известно:
в то время, как он

летним днем при открытых дверях
ведет со мною беседу,
кто-то требует запретить его зренье,
кто-то ищет и вскоре находит повод
наконец-то расправиться с ним
посредством бумаги, намордника, телефона,
быстро иль медленно –
вряд ли имеет значенье.

Я знаю его, и мне хорошо известно:
надежда его на исходе,
он уже не смеется,

живет ожиданьем, сомненьем;
вот, настроенный по-деловому,
он выходит на улицу, входит в мой дом...

... как могли мы жить по соседству,
обращая друг к другу лишь половину лица,
видя друг друга лишь в профиль?
И вот от всего нам осталась лишь половина;
ни наша одежда, ни наша надежда
не согревают нас.

VON DER LIEBE

О ЛЮБВИ

Влюбленные простирают
навстречу друг другу руки,
на меде и цвете неба настояна песня цикад.

В плену у любви, беззащитные и нагие,
пригвожденные поцелуями к черной стене ночи.
Кожа содрана с плоти, содрана плоть с костей,
голый сустав умоляет ночь
 поскорее уйти, поскорей умереть.

Кто повесть расскажет о счастье,
старую повесть о шляпе, полной волос золотых
и полярных фиалок.

А крыса дыру прогрызает в любой из преград,
на любой мертвечине жиреет, свободная, ненасытная,
без меда обходится и без неба.

KEIN NACHTEIL

НЕ ПОРОК

Жить по расчету –
занятие для других.
В то время как мы ели вишни,
любили друг друга, мучая и губя,
теряли дар речи в гневе
и вновь обретали с улыбкой,
в то время как мы ели вишни,
недоступными стали для нас
многие из людей,
обходящиеся без вишен,
нашедшие оправданье
своей надменности и довольству.
А мы нерасчетливость нашу
все еще почитаем за счастье
и лучше себя погубим,
чем жить и любить без вишен.

FOTOGRAFIE

ФОТОГРАФИЯ

Женщина под акациями в шезлонге
с бокалом вина в руке,
открытые плечи, тень от ветвей на платье,
беспечная красота, счастливая без причины.
За оградой пыль клубится, стаи галок летают.
Вот оно – стихотворенье.
С ним мы пройдем сквозь время до предела нашей

надежды.

Как легко, как легко быть правым
с помощью двух-трех слов
в обществе с женщиной, ждущей ночи.
Фотоснимок – лишь миг, улыбка
длится дольше, нам жизни целой
не хватает, чтоб миг постичь.

Памяти и костей Сатурна,
вот чего мы поистине лишены,
памяти смутной, но не подвластной смерти
под тенистой сенью ветвей.

ЧАСТЬ II

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

UND DIE NACHT

И НОЧЬ

* * *

И ночь, когда пулеметы будили нас,
и ночь,
когда мулов к реке теснили,
та ночь,
когда наш коридорный вдруг произнес:
Это не люди, мадам...
Ночь, бессонная ночь –
ах, мадам, что такое две ночи
в этой долгой смерти приносящей жизни!

IHRE TELEFONNUMMER

НОМЕР ЕЕ ТЕЛЕФОНА

* * *

Номер ее телефона. Когда я его потерял,
я подумал: вот ты и свободен...
Больше не надо мерзнуть зимой в телефонной будке,
наконец у тебя есть время, бездна зимнего времени.
Можешь, не торопясь,
потягивать шерри в углу полутемного бара
и представлять себе, как Ирида исчезает верхом на
радуге.

Как бы не так,
через две недели в кармане куртки его нахожу случайно,
и все повторяется снова: эти «да», эти «нет»,
эти «может быть», этот воркующий ад.

WAS FÜR EIN LEBEN...

ЧТО ЗА ЧУДНАЯ ЖИЗНЬ...

* * *

Что за чудная жизнь на таких островах!
Так тихо, что поневоле задерживаешь дыхание.
Крики мальчишек, когда в лагуну залетал их
футбольный мяч,
ветер, играющий сеткой от мух, лебеди в тростнике,
корабль с хлебом и мы, вечно без мелочи для парома...
Вспомни, мой друг, где б мы ни были вместе,
мы любили с тобой
лишь вещи, в которых нет прока...

ALLES WIE IMMER

ВСЕ, КАК ВСЕГДА

* * *

Все, как всегда: завтрак, деревья в окне,
календарь, зимний день, разговоры,
но так светел твой смех и так беззаботен твой голос,
что мне становится страшно:

все это вдруг может исчезнуть
беспричинно, невозвратно,
стоит лишь развернуть газету,
вспомнить чье-нибудь имя или
в грядущее заглянуть...

WIR HELFEN UNS NOCH

МЫ ЕЩЕ ПОМОГАЕМ ДРУГ ДРУГУ

* * *

Мы еще помогаем друг другу, не даем умирать надежде,
что, сбежав от себя, очутимся
в окруженье одних счастливых,
попадем вдруг из ночи в утро,
в чудный край, в пламенеющий дождь,
go west, go down,
мы погибнем в свободном паденье
над Пунтом, Аркадией, Сином иль Атлантидой,
в безбрежных просторах света, в объятых неведомых
рук...

SCHMETTERLINGE

БАБОЧКИ

* * *

Бабочки в трещинах мрамора, крики ослов.
Острова, острова, мы здесь в первый раз
и, наверно, в последний.
Ветер ласков и свеж,
прекрасна память о нем
на скуластом лице Вавилона.
Свет вторгается в нашу ночь,
ветер в нашу любовь.

... IHR HABT EINEN FOXROTT

...ПОД САМОЕ УТРО...

* * *

«... под самое утро вы танцевали в замедленном темпе
в вестибюле отеля с пальто на руках (borracho! фокстрот
borracho!)*»

и на лифте умчались в любовь...»
Не помню... То, что мы спали вместе
и проснулись в одной постели – это верно,
был час
слишком поздний для завтрака,
на полу
одежда, окно открыто, запах стужи и свет от снега
на лице незнакомой красотки...

* Пьяные-пьяные (исп.).

ZWEI TAGE

ДВА ДНЯ

* * *

Два дня и две ночи, свидание и разлука,
нет, то была не любовь,
то был отель по дороге в центр Вавилона,
взгляд сквозь сетку от мух
на реку и Steakhouse,
было лето, был дождь, была ночь и вдвоем пробужденье,
и объятия при свете дневном и веселье, а затем угасанье
в открытом гробу из солодки – а в остатке
перчатка, косынка, ресница и пилочка для ногтей.

DU, DER EINZIGE
ЕДИНСТВЕННЫЙ МОЙ

* * *

«...единственный мой, опора моя, скала!»
Мне тяжело было ей сказать, что этого слишком мало,
одним этим не обойдешься, всей жизни не хватит
в этом провале, ведь каждый из нас
 так бездонен, раним, переменчив.

Проходящий экспресс мчался мимо перона,
в его грохоте
 мы прижимались друг к другу,
и смолкали иль нам
 не слышны были собственные голоса.

NACHTZÜGE SCHWARZ UND VERSCHLOSSEN
НОЧНЫЕ ПОЕЗДА, ЧЁРНЫЕ, ЗАКРЫТЫЕ

* * *

Ночные поезда, черные, закрытые, с плотными
занавесками.
Любящие в пути, на полках вагонов,
ночной проводник узнает их сразу,
выходя в коридор по утрам,
лица, не замечающие
ни дня, ни ветра, ни гор, ни устья, ни побережья,
потерявшие от любви дар речи,
избегающие мир вокруг,
словно он парк прокаженный
у входа в рай.

WIR HÖRTEN DEN REGEN

МЫ СЛУШАЛИ ДОЖДЬ

* * *

Мы слушали дождь на крыше, в листве,
лежали обнявшись и слушали дождь,
думали вместе об осени и о заливе,
о северном вечере, фьордах, о доме,
о нас самих и о том,
почему мы здесь.
Всего один раз ей понадобились спички, табак,
и она закурила,
а после был дождь, непрерывный дождь,
дождь, тишина, дождь.

SIE BESPRACHEN DIE LAGE
IN DER BAR DES HOTELS

**В БАРЕ ОТЕЛЯ ОНИ ОБСУЖДАЛИ
ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ**

* * *

В баре отеля они обсуждали
положение дел,
финансы, интрижки, общественность и какими
молодцами они оказались в этом болоте.
А он думал о том, что три этажа над ним,
беззаботно дыша, лежит в постели его любимая,
может быть, спит иль занята прической и крашением губ,
ждет его, с закрытыми веками грезя
о времени и бесконечном свете – *Что с тобой,
почему ты все еще здесь и говоришь о делишках...*

ICH ÖFFNETE DAS FENSTER

Я ОТКРЫЛ ОКНО

* * *

Я открыл окно и сел на подоконник лицом к свету.

Перед глазами ни луга, ни гор, ни моря

или чего-то еще такого,

что было бы миром или землей

накануне грядущих свершений.

Но я увидел солнце, целое, невредимое,

выходящее из голубого грота,

и услышал голос Юлии в ванной:

«Лето настало, лето!»

В ее голосе еще одно лето.

ICH FAND DEN GÜRTEL
IHRES ROTEN BADEMANTELS

ПОЯСОК ЕЁ КРАСНОГО КУПАЛЬНОГО ХАЛАТА

* * *

Поясок ее красного купального халата
я нашел под лестницей ночью
после того, как она

давно уже укатила.

Коварный удар,

которого не ожидал.

Заново жизнь начинать
с пустотой в душе и пояском халата.

О ВАНІА

О БАЙЯ!

* * *

О Байя! Я, никогда не интересовавший жуликов,
никогда не бывший обворованным,
ни в пивных, ни в корабельных трюмах,
ни в кварталах трущоб,
ни даже в толпе базаров,
наконец-то сподобился!

Бериниса с глазами рябчика, с хрипловатым голоском,
целый вечер висевшая у меня на шее,
идеально гладкая, мягкая, шоколадная,
у меня украла табак, ключи от номера и фото
моей подруги.

Я свободен!

ЧАСТЬ III

КЛЮЧ ИЗ ДЕРЕВА

DER TAG WIRD KOMMEN

ДЕНЬ, ЧТО НАСТУПИТ ПОСЛЕ...

День, что наступит после всемирного праздника мира, –
с чем он явится к нам, с голубем или кастетом?

День вслед за этим днем –

с чем он придет к нам, с детской игрушкой
или надежда снова пришлет нам вместо себя

ленинскую цитату?

А день, что наступит затем, –

неужель и его к нам приведут на аркане

и усадят в кресло министра и облекут новой властью?

А день, что придет потом, –

чего он нам будет стоять, сна или головы?

А день вслед за тем – может быть,

он захочет вину искупить перед нами

и кой-кому пустит кровь?

А день, что наступит после, –

наступит ли он вообще в нашем новом районе,

на нашем телеэкране?

А каждый из дней после этого дня, и потом,

и затем, и после,

все дальнейшие дни, –

неужель назовут их лишь Днями Воспоминаний,

днями поминовения,

неужель они станут бумажной войной,

циркуляром?

А день, что зовется последним днем, –
неужель он окажется бутафорией будущих дней
или же, наконец, поведаст нам о любви?

А день, что наступит после последнего дня, –
каким будет он, этот день,
сможем ли мы вместе с ним

чувствовать и дышать?

DIE KIRSCHBÄUME

ВИШНИ

Мы это знаем: Бог, поранивший палец,
из капельки крови вишенку сотворил.
Тебе много проще, вишни созреют,
когда ты в июне откроешь свои глаза.
Можешь в сад отправляться в полдень
и жить среди листвы под открытым небом.
Вот солнце к тебе прикасается теплой рукой,
и слушает крот из норы, как падают косточки вишен.
Ты спрыгаваешь с веток, губы твои пунцовы,
и каждому хочется облобызать тебя.
А ночью ты слышишь, как дождь моет вишни
и капли подсчитывает до утра.

STÜCKCHEN SEIFE

КУСОЧЕК МЫЛА

Кусочка мыла
из отеля Офир
и локона Юдит,
заложенного
в Книгу книг,
мне довольно,
чтобы дойти
до самого края земли,
огибая Мыс Доброй,
а также Недоброй Надежды,
идти все дальше и дальше...
Ни одному ломбарду
от меня не дожждаться
даже кусочка мыла.

IST EINE WIMPER

КОГДА ВЫПАДАЕТ ИЗ ГЛАЗА РЕСНИЦА

Когда выпадает
ресница из глаза
вопросов не задавай
загадай желание как послание
но где оно странствует
в водах морских
или за солнечным кругом
не выдавай и вопросов не задавай
словом можешь себе загадать желание
а можешь ставни открыть и крикнуть:
ресничка
мы живы живы
каждый
кого мы полюбим –
жив!

VOM GOLIATH

О ГОЛИАФЕ

*Ты не должен верить всему, что написано.
Я скажу тебе, о чем не написано.*

Камень попал в лицо и отскочил в кучу пыли.
Метавший качнулся, рухнул, черная кровь
потекла изо рта и глаз на горячие травы.
Великан посмотрел на лежащего карлика удивленно
и уставился на пращу – ничтожный предмет
с рукояткой для левой руки,
вырванной из сжатого кулака Давида,
посредством которого тот
хотел метнуть камень, теперь валяющийся поодаль.
Все кончилось раньше, чем началось.
Карлик лежал в траве.
Удары ступней по чреслам с целью его оживить
воздействия не возымели, кровь потекла опять,
засыхая лужицами, как выплеснутые помои.
Он засунул пращу за пояс и, обливаясь потом,
начал взбираться вверх по холму к своим;
кто-то другой помчался к поверженному и сделал
то, что сделать забыл великан в своем изумлении:
голову саблей отсек и за волосы поднял ее,
пустую от крови, к небу.

TELEFON

ТЕЛЕФОН

Спускаясь с гор я услышал:
далеко внизу подо мной
в моем доме звонит телефон...
Как колокольцы козы, заблудившейся в дреке.
Дым от костров рассеялся на морозе,
следы инея на ботинках. Не торопись.
Ни Азраэль, ни Бог, ни убийца,
ни охотник, идущий по следу, не позвонят тебе.
Ни тем более Лазарь, у этого
для звонка не хватило бы денег. Никто
не перевернется в гробу, кого бы
некролог о тебе мог бы порадовать иль огорчить,
нет, это не мертвецы.
Сигнал тревоги иль признак жизни – не торопись.
Друзья и возлюбленные отыщут
тебя, куда бы ты ни сокрылся,
чтобы там отдышаться неузнанным и в тишине.

STEIN

КАМУШЕК

Летним днем они нашли камушек.
Он лежал на дороге.

Она его подняла,
а он положил его в сумку
с мелочью и ключами.

Он годами носил его в ней
и совсем забыл про него.

Позднее они расстались,
вначале на день,
потом навсегда.

Когда ночью однажды
ему нужна была мелочь,
он нашел его вдруг, вспомнив все.

Все ночные ее имена,
и лицо, и волосы, и ладони.

В ту же ночь он стоял
под ее окном
и камушком кинул в него.
Окно было темным.

Может быть, звон стекла
посетит ее сон и она
прокричит в темноте его имя.

HAUS EINES MANNES

ДОМ МУЖЧИНЫ

Самое главное
в доме мужчины
это женщины, сейф и деньги,
телефон, компьютер, машина,
может быть, ружье.

Самое главное в доме мужчины
это он сам, его имя.
Вполне вероятно,
мужчины различны,
также, как их дома.
Это отличие может быть рюмкой,
Книгой книг,
взглядом в сад.

Самое главное в доме,
что я населяю, –
дверь, через которую
я покидаю дом,
видимо или невидимо,
при свете дневном или ночью,
уходя с каждым разом
все дальше...

OFFNE TÜREN

ДВЕРИ НАСТЕЖЬ

1.

На песке след кошачьей лапы.
Бутылки вина, словари, пыль и пчёлы.
Залетные листья магнолий,
орехи в корзинах, резиновые сапоги –
следы, каких боги не оставляют.
Я смертен, богат, и пусто
в пространствах, обещанных нам.

2.

Ночью дул сильный ветер
в поисках сгнивших стволов,
распахнутых окон,
воришку застал врасплох,
крадущего наше вино,
разбил бокал
и прогнал сыча,
уснувшего в нашем саду.

ICE TRIEST – AMSTERDAM

ЭКСПРЕСС ТРИЕСТ – АМСТЕРДАМ

У окна незнакомка в профиль.

Он подумал: затылок,
теплом обдающий сквозь шелк косынки, –
словно воспоминанье...

Тут все не твое,
волосы, губы, грудь,
бёдра и руки,
ничего твоего в этом голосе,
в этих смолкающих фразах... кто ты?...

Она смотрела в окно, за которым был вечер,
река мерцала вдали между ильмов
и высокая птица летела в ночь.

NACHDENKLICH IST DIE MAUS

МЫШКА ЗАДУМАЛАСЬ

* * *

Мышка задумалась
глубоко задумалась
жует свой усик
тихо задумчиво
Но это же сказка
Откуда мне знать
о чем она думает
над чем размышляет
скажи мне что думает мышка
о зерне о траве о прахе
о воде о кореньях
зиме и мехе
мышка роет роет
пока до кошки не дороет
а что она думает
о ловле мышей
о том отчего умрет
и умрет ли вообще
утешь ее
насыпь ей хороших зерен
скажи
что она воскреснет

DER SPANISCHE PLATZ

ПЛОЩАДЬ ИСПАНИИ

Площадь Испании переименована в квартал Наумана.
Чем провинилась Испания, и кто такой Науман?
Альберто, Теодор, Гарри Науман?
Спонсор, торговый магнат, агент?
Залитые солнцем фасады на площади Испании.
Опустевшие магазины в квартале Наумана.
Здесь пролягут теперь променады,
проспекты и набережные в честь звонких имен.
Passage du petit Cladan. Улица поцелуев.
Дворы с игроками. Сады с колибри.
У моря. Под радугой. На солнечном берегу.
У подножия снежных гор. У дерева пророка.
У крематория, кемпинга, водоочистки.
У тропы Джубала. В воздушном пространстве.
В районе семи созвездий.
В долине печали. У бойни. В дистрикте Никсона.
На улице Южного ветра. У Голубого хребта.

Кому неймётся переименовать солнце или же ветер
с его двенадцатитысячным птичьим войском
в весеннем небе!

EPISTEL AN HIERONYMUS BOSCH

ЭПИСТОЛА ИЕРОНИМУ БОСХУ

Босх, тебя хоть бы раз

охранили твои созданья?

Не пляшет ли всякая нечисть у тебя по ночам на крыше,
огонь раздувая мехами в твоём очаге, –
не ты ли гостей принимаешь порой,
что проходят сквозь стены
и топчут твой хлеб и плюют в вино!

В твоём царстве есть и личинки, и ангелы смерти,
свет источающие и тень,
черепа,

что под дверью твоей подаяния просят,
прорва трески и летучей рыбы
и, как мне говорили, леса беладонны,
а на сталактитовых башнях пожарные колокола.

Старый хлам из болот голландских
копишь ты день за днем,
немой дрейфующий груз из царства грунтовых вод.
Из подземных капканов спасаешь зверей,
что, страдая от жажды,
из Африки к нам, как мне говорили, стремятся,
и наверх их выводим к свету и водопою.

Босх, как живется тебе

здесь на пучке соломы
с волками, мумиями, мертвецами,
как тебе удастся так жить, что в гости к тебе

ходят и птицы хромые, и совы, и единороги,
чернильные тучи твое заливают ложе,
и полуденный месяц порой
над тобой пролетает в сетях паутины!

Как-то раз я в страну твою ездил
на саях, запряженных в кряхтящую черную
снежную рыбу.

Кучером был павлин
с костлявыми крыльями, мы
мчались в стеклянное царство рыб
по улицам длинным с балаганами и райками.

Я видел тебя, сидящем в стеклянном дворце,
кидающим камни, но стекло почему-то не билось,
это было комично, Босх, – ни одного осколка.
Ты восседал в том дворце, а акулы и раки на тебя
шипя нападали.

Ах, как кучер смеялся!

Ты еще жив, Босх!
Твои дельфины съедают, как мне говорили,
целую совшку за обед,
и твои хищники, Босх, не так уж и ненасытны –
в таком случае, Босх, будет долгим царство твое,
до тех самых пор,
пока и его не сожрут!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кристоф Меккель</i>	3
<i>Вальдемар Вебер</i>	4
От переводчика	5

Часть I. Шапка-невидимка

Verse, die einschlagen / Стихи должны попадать в цель	9
Rede vom Gedicht / Слово о стихах	10
Tarnkappe / Шапка-невидимка	11
Dämmerung / Сумерки	12
Erziehung des Prinzen / Воспитание принца	13
Goldfisch / Золотая рыбка	14
Das Erbe des Sancho Pansa / Наследство Санчо Пансы	15
Hymnus an Sphinxen / Гимн сфинксам	16
Als ich erwachte / Когда я проснулся	17
Trinkgeld / Чаевые	18
Hymne / Гимн	19
Meine Arbeit / Мой труд	20
Verheißungen / Обещания	21
Liebesgedicht / Тебе одной.....	22

Engel / Ангел	23
Es ist der Wind auf den Brücken... / Из книги «Ночная песнь Яснандоса».....	24
Rechts und links / Со всех сторон	25
Den Leviathan zu schlachten – das wäre gut / Легко сказать	26
Wenn wir nicht sagten / Когда б мы сердцем веку изменили	27
Wir drehn mit Worten / Слова темны...	28
Kleiner Essigschwamm / Христосик	29
Im Vergleich / Мы все подвластны сравненью	31
Uferstraße / Набережная	33
Verfrüht / Слишком рано...	34
Andere Erde / Иная земля	35
In diesem Käfig / В этой клетке	36
Wer könnte Platz nehmen / Кто бы рискнул поселиться...	37
Ein Mensch / Человек	38
Von der Liebe / О любви	40
Kein Nachteil / Не порок	41
Fotografie / Фотография	42
Gedicht auf der einzig möglichen Seite des Todes / Я стану ещё человеком	43

Часть II. Лирические миниатюры

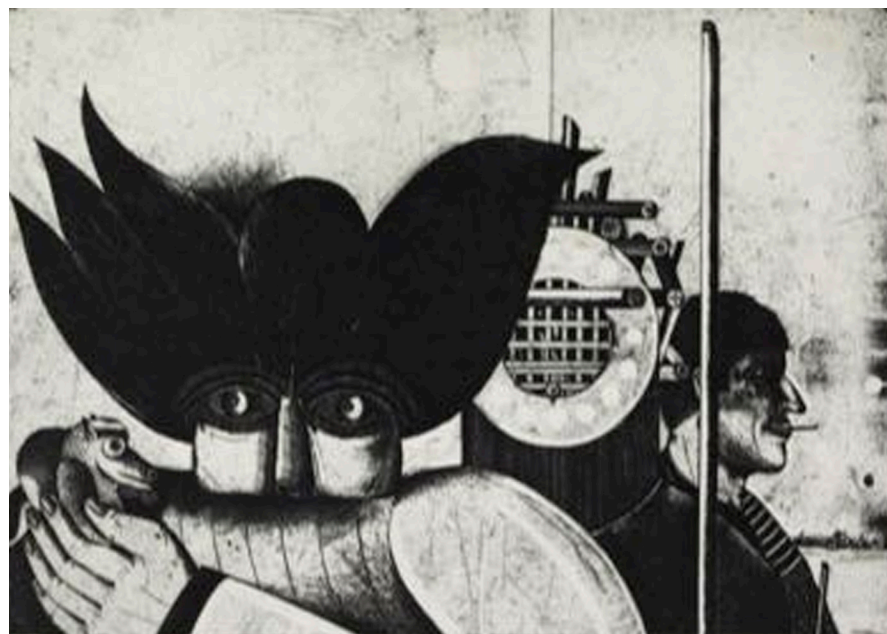
Und die Nacht / И ночь	47
Ihre Telefonnummer / Номер ее телефона	48
Was für ein Leben... / Что за чудная жизнь...	49
Alles wie immer / Всё, как всегда	50
Arkadien / Аркадия	51
Wir helfen uns noch / Мы еще помогаем друг другу	52

Schmetterlinge / Бабочки	53
Hier, an der schiefen hölzernen Veranda / Здесь, на кривой деревянной веранде	54
... Ihr habt einen Foxtrott... / ...Под самое утро...	55
Zwei Tage / Два дня	56
Du, der Einzige / Единственный мой	57
Nachtzüge, schwarz und verschlossen / Ночные поезда, черные, закрытые	58
Wir hörten den Regen / Мы слушали дождь	59
Mal ist es das Ja.. / Эти «да», эти «нет»	60
Sie besprachen die Lage in der Bar des Hotels / В баре отеля они обсуждали положение дел	61
Ich öffnete das Fenster / Я открыл окно	62
Dank für den Kater / Друг мой, спасибо тебе за кота	63
Der Apfelbaum / Яблоня	64
Und er sagte neben ihr liegend / И он сказал ей, выключив свет	65
Alles vergeht / Всё проходит	66
Ich fand den Gürtel ihres roten Bademantels / Поясок ее красного купального халата	67
O Bahia / О Байя!	68

Часть III. Ключ из дерева

День, что наступит после... / Der Tag wird kommen	71
Die Kirschbäume / Вишни	73
Stückchen Seife / Кусочек мыла	74
Ist eine Wimper / Когда выпадает из глаза ресница	75
Vom Goliath / О Голиафе	76
Telefon / Телефон	77

Auf den Beantworter gesprochen / Телефоно-ответчик	78
Stein / Камушек	79
Haus eines Mannes / Дом мужчины	80
Offene Türen / Двери настежь	81
Die Laren / Лары	82
ICE Triest – Amsterdam / Экспресс Триест – Амстердам	83
Schlüssel aus Holz / Деревянный ключ	84
Nachdenklich ist die Maus / Мышка задумалась	85
Der Spanische Platz / Площадь Испании	86
Epistel an Hieronymus Bosch / Эпистола Иерониму Босху	87

Литературно-художественное издание

Кристоф Меккель

Шапка-невидимка

Стихи 1957–2015 гг.

Редактор В. С. Кожемякин

Дизайн М. О. Горшкова

Вёрстка Н. А. Самойловой

Подп. в печать 10.02.2020. Усл. печ. л. 5,58.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Garamond. Формат 60×84/16.

Издательство «Летний сад».

Москва, ул. Тёплый Стан, 21А.

www.letsad.org. E-mail: letsad@mail.ru

Книга отпечатана в мастерской

им. Геннадия Фадеева.

Москва, ул. Тёплый Стан, 21А.

Плавающий
МОСТ